

Славяноведение, 2025, № 1, с. 22–33

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2025, No. 1, pp. 22–33

DOI: 10.31857/S0869544X25010027, EDN: JAKJFW

Оригинальная статья / Original Article

Судьба русского эсера П.В. Злобина и проекты белорусской высшей школы (1918–1920 годы)

© 2025 г. А.Н. Кукса

Белорусский национальный технический университет
(Минск, Республика Беларусь)

akuksa@bntu.by

Аннотация. События 1918–1920-х годов стали завершающими в череде революций, войн и разрушений, которые низвели систему образования в белорусских губерниях до уровня начальной школы. Обескровленные кадры промышленности и сельского хозяйства требовали не только квалифицированных рабочих, но также техников и инженеров, способных настроить весь производственный процесс. В таких условиях национальные общественные организации и политические партии повсеместно поднимали вопросы о создании высшей школы. Ключевой фигурой в разработке проекта создания системы белорусского образования стал один из лидеров эсеров, заместитель председателя Минской губернской земской управы Павел Владимирович Злобин, отвечавший в 1918 г. за работу отдела образования. При его участии начала создаваться минская университетская комиссия, он поддержал проект Белорусского университета, представленный профессором М.В. Довнар-Запольским. Во многом благодаря его позиции мощную поддержку получил проект Минского политехникума, представленный председателем минского отделения Всероссийского союза инженеров, первым директором и будущим академиком АН БССР А.Д. Дубахом. Судьба П.В. Злобина тесно переплелась с Партией социалистов-революционеров, на его жизни отразилась борьба большевиков в 1920-е годы за создание однопартийной системы.

Ключевые слова: история политических партий, история Белоруссии, высшая школа, политическая история.

Ссылка для цитирования: *Кукса А.Н.* Судьба русского эсера П.В. Злобина и проекты белорусской высшей школы (1918–1920 гг.) // *Славяноведение*. 2025. № 1. С. 22–33. DOI: 10.31857/S0869544X25010027, EDN: JAKJFW

The Fate of the Russian Socialist Revolutionary P.V. Zlobin and the Projects of the Belarusian Higher School (1918–1920)

© 2025. Alexander N. Kuksa

Belarusian National Technical University
(Minsk, Republic of Belarus)

akuksa@bntu.by

Abstract. The events of the 1918–1920s were the final stages in a series of revolutions, wars and destructions that reduced the education system in the Belarusian provinces to the level of primary school. The drained personnel of industry and agriculture required not only skilled workers, but also technicians and engineers capable of setting up the entire production process. In such circumstances, public organizations and political parties have raised the issue of creating a national system of higher education. The key figure in the development of the Belarusian university project was Pavel Vladimirovich Zlobin, deputy chairman of the Minsk Provincial Zemstvo Council, who was responsible for the work of the education department in 1918. Under his leadership, the Minsk University Commission began to be created, he supported the project of the Belarusian University, presented by Professor M.V. Dovnar-Zapolsky. Largely due to his position, the project of the Minsk Polytechnic, presented by the chairman of the Minsk branch of the All-Russian Union of Engineers, the first director and future academician of the Academy of Sciences of the BSSR A.D. Dubakh, received strong support. The fate of P.V. Zlobin was closely intertwined with the Party of Socialist Revolutionaries, his life was affected by the struggle of the Bolsheviks in the 1920s for the creation of a one-party system.

Keywords: history of political parties, history of Belarus, higher school, political history.

For citation: *Alexander N. Kuksa. The Fate of the Russian Socialist Revolutionary P.V. Zlobin and the Projects of the Belarusian Higher School (1918–1920) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2025. No. 1. P. 22–33. DOI: 10.31857/S0869544X25010027, EDN: JAKJFW*

Вопрос создания высшего учебного заведения для населения белорусских губерний Российской империи был настолько актуальным, что сложно назвать орган самоуправления, который бы в начале XX в. не выступил бы с инициативой открытия университета, политехникума или сельскохозяйственного института. В программных документах партий и общественных организаций специалисты по этим направлениям признавались наиболее востребованными. В отечественной историографии вопросам роли системы образования в модернизации белорусского общества начала XX в. значительное внимание уделил профессор А.Г. Кохановский [Кохановский 2006, 31–46]. Известным специалистом в области истории становления и первых шагов Белорусского государственного университета является также О.А. Яновский [Кохановский, Яновский 2021, 7–18]. Однако в отечественной историографии до сих пор не выработана целостная концепция эволюции высшей школы от теории и размышлений к практике реализации, освещения тех конкретных шагов, которые были предприняты для открытия первых вузов в Белоруссии. Некоторые попытки прояснить эти вопросы были предприняты автором этой статьи [Кукса 2024, 651–668].

События Первой мировой войны актуализировали необходимость обеспечения страны кадрами военно-промышленного комплекса, подготовленными для нужд армии и фронта на местах. Поэтому когда белорусские земли стали прифронтовой территорией, на которой разместилось огромное количество ремонтных мастерских, военно-инженерных отрядов и иных вспомогательных структур, местные органы самоуправления ощутили острую необходимость в инженерных кадрах.

В обсуждении проектов высшей школы Белоруссии ключевым стал 1918 г. Профессор М.В. Довнар-Запольский представил первый проект Белорусского

университета, а профессор Н.А. Столяров разработал первый устав и закон об открытии Белорусского политехнического института. Но в июле 1918 г. был реализован другой проект — Минского политехникума, представленный инженером-гидротехником и первым его директором А.Д. Дубахом. Белорусы-беженцы из Санкт-Петербурга и Москвы при поддержке Народного комиссариата по делам национальностей в 1918 г. рассматривали возможность открытия в Минске университета, политехникума, национальной библиотеки и Белорусской народной академии технических знаний, но также безрезультатно.

Таким образом, в 1917–1918 гг. Минск стал центром генерирования проектов строительства не только белорусского государства, но и его высшей школы. К этой работе присоединились Белнацком и правительство Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ). В Минске в феврале 1919 г. начала работать «минская университетская комиссия», в помощь которой в РСФСР была создана «московская комиссия», одной из главных задач которых стало открытие Белорусского государственного университета.

В это сложное время связал судьбу с Белоруссией Павел Владимирович Злобин (1882, Рязань — 1930, Уфа) — потомственный дворянин, в 1918 г. отвечавший в Минской губернской земской управе за отдел образования. Он вел переговоры с М.В. Довнар-Запольским об университете и поддержал проект Минского политехникума А.Д. Дубаха. Еще в 1902 г. Павел Владимирович вступил в партию эсеров (ПСР), выступал за тесный союз Белоруссии и России. До 1906 г. он руководил группой социалистов-максималистов в Москве. По обвинению в принадлежности к ПСР П.В. Злобин неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылке. В годы Великой войны работал в организациях Земсоюза в Уфе и на Западном фронте. Интересные воспоминания о нем оставил участник тех событий Вацлав Солский. По его данным П.В. Злобин легко находил контакты с крестьянами, «часто с ними разговаривал, писал для них письма родным» [Солский 2004, 25]. В конце 1916 г. под влиянием В. Солского плотники подняли восстание в местечке Полочаны, что привело к тому, что группа работников Земсоюза, «в том числе, и ни в чем не повинный Злобин», была отправлена в Минск.

По всей видимости, благодаря этим событиям П.В. Злобин попал в Минск, где в марте 1917 г. его избрали заместителем председателя Минской губернской земской управы. В августе 1917 г. он представлял вместе с гласной Г.А. Гурвич Минскую губернию на Государственном совещании в Москве. По итогам поездки она 31 августа 1917 г. выступила с докладом в Минской городской думе, сообщив, что на Московском совещании всеобщую поддержку получили «со стороны всей демократии России»¹ Временное правительство и Всероссийское учредительное собрание.

В подавляющем большинстве органы местного самоуправления в Белоруссии приветствовали идеалы Февральской революции, выступая за переустройство России на федеративных началах. Окончательное решение данного вопроса, по всеобщему мнению, должно было вынести Всероссийское учредительное собрание. Как член областного комитета ПСР П.В. Злобин был включен в список кандидатов в депутаты от Минской губернии.

Октябрьскую революцию П.В. Злобин не принял. Вскоре его арестовали на улице солдаты-большевики за то, что он расклеивал эсеровские плакаты и «произносил контрреволюционные речи». В. Солский вспоминал о заявлении Злобина, в котором тот утверждал, что «диктатура пролетариата, которую

¹ НИАБ. Ф. 24. Д. 3659. Л. 31.

установил в Петрограде Ленин, может привести только к гибели революции и, что он и его партия будут бороться против нового правительства всеми средствами» [Солский 2004, 163]. С мнением В. Солского о том, что это будет диктатура всех социалистических партий, Злобин не согласился, заявляя, что это приведет к полному расколу социалистического лагеря. В декабре 1917 г. П.В. Злобин был избран участником II съезда армий Западного фронта, который проходил в Минске.

Тогда же прошел Всебелорусский съезд, который, провозгласив необходимость создания Белорусской советской республики в тесном союзе с Россией, отложил вопрос об ее административно-территориальной форме до Всебелорусского учредительного собрания. На съезде также был поставлен вопрос о путях строительства высшей школы Белоруссии. Его культурно-просветительская комиссия постановила открыть «университет, политехникум и сельскохозяйственный институт» [Кукса 2024, 656]. На съезде количественно преобладали представители органов местного самоуправления, в том числе, вероятно, и сослуживцы П.В. Злобина, а значит, он был в курсе вопросов, которые поднимались делегатами в области строительства высшей школы.

На XI чрезвычайном Минском губернском земском собрании в январе 1918 г. председателем земской губернской управы избрали Н.К. Ярошевича, а заместителем — П.В. Злобина, в ведение которого перешел отдел народного образования. Уже 18 января 1918 г. он был командирован в Москву на заседание Всероссийского съезда уполномоченных Всероссийского земского союза (ВЗС)².

После наступления германских войск П.В. Злобин остался в оккупированном Минске. На непродолжительное время, с 17 по 21 февраля 1918 г., власть в Минске перешла в руки органов местного самоуправления. В ответ на просьбу оказать финансовую помощь, поступившую 20 февраля 1918 г. в органы самоуправления от председателя исполкома Совета Всебелорусского съезда И.Я. Воронко, П.В. Злобин заметил, что разогнанный большевиками Белорусский съезд предполагал основать краевой орган через Учредительное собрание. Тем не менее, представители органов самоуправления поддержали I и II Уставные грамоты, делегировав в состав Белорусской народной республики (БНР) представителей и выделив средства из местного бюджета на финансирование ее правительства.

В первый состав Народного секретариата БНР был включен и П.В. Злобин как народный секретарь по великорусским делам. Но органы самоуправления считали, что «в данный момент единственно законным носителем гражданской власти на местах являются: в губернии — губернское земство, в уездах — уездные земства, в городах — городские самоуправления и в волостях — волостные земства»³. Для установления контактов с высшим командованием оккупационных германских войск были делегированы Н.К. Ярошевич, Е.К. Прокопович и П.В. Злобин, которые на встрече с представителями новой власти 22 февраля заявили о том, что в Белоруссии должны быть сохранены демократические учреждения и гражданские свободы. На предложение созвать съезд земств и городов Белорусского края германские власти ответили, что они препятствий создавать не будут.

28 февраля 1918 г. Минская городская дума заслушала доклад об организации съезда городских и земских самоуправлений. На нем предполагалось обсудить вопросы культурно-просветительской работы, восстановления

² НИАБ. Ф. 325. Д. 1088. Л. 9.

³ Там же. Л. 13.

хозяйственной жизни края, создания объединяющего органа – Городского и земского самоуправления края, отношения к Белорусскому народному секретариату и другие. Своих депутатов на съезд Губернская земская управа выдвинула 5 марта 1918 г. В Организационное бюро были избраны: П.В. Злобин, Е.К. Прокопович, М.И. Шкубер, М.Ф. Березова и Г.К. Тимошенко⁴. Но данные планы существенно скорректировал Брест-Литовский мирный договор, согласно которому территория Белоруссии признавалась временно оккупированной Германией.

25 марта 1918 г. рада приняла III Уставную грамоту, которая привела к резкой конфронтации БНР с органами самоуправления и выходу из нее земской группы (П.В. Злобин, Н.К. Ярошевич и др.). Обстановка в Белоруссии усугублялась грабежами и насилием со стороны оккупантов. В апреле 1918 г. прошли массовые аресты мужчин без суда и следствия. На фоне бездействия рады БНР Минская городская дума обратилась за поддержкой в НКВД РСФСР, который выразил протест против проявления подобных актов насилия. В ответ усилилось давление на органы местного самоуправления, что привело к полному разрыву отношений с радой БНР, оформленному решением VII очередного губернского земского собрания.

Собрание начало работу 11 мая 1918 г. с обсуждения ряда вопросов, ключевым из которых являлось соблюдение международных законов военного времени, согласно которым оккупационные власти должны взять на себя содержание занятой территории. В ходе обсуждения объема необходимых средств на финансирование образования, медицины и других социально значимых сфер разгорелся спор относительно сумм требуемых на содержание профтехнических учебных заведений. Поддерживая необходимость увеличения финансирования на эти цели, председатель земского собрания Ф.О. Лукашевич подчеркнул, что самим же земским собранием «забота о профессиональном образовании признана функцией Губернского земства»⁵. Говоря о работе отделения губернской управы по народному образованию, П.В. Злобин просил отнести к ней более серьезно. В комиссию по сметам избрали П.В. Злобина, А.А. Гаврильчика, Н.К. Ярошевича и А.А. Булата.

На заседании школьной комиссии 13 мая 1918 г. был заслушан доклад П.В. Злобина об открытии краевого университета. Комиссия признала необходимым ассигновать на эту цель 50 000 руб. и положить, таким образом, первый кирпич в основание «Краевого храма науки». Всем городам и земствам края предлагалось ежегодно финансово поддерживать эту инициативу, а также «обратиться к частным лицам с призывом помочь богатому начинанию. Привлечь к работе союзы и организации. Если появится возможность открыть хотя бы один факультет, приступить к открытию его сейчас же»⁶. Также были рассмотрены вопросы о назначении субсидии среднему политехникуму Всероссийского союза инженеров и «ходатайство инженера Краснопольского об отпуске земством субсидии на строительную академию»⁷.

17 мая 1918 г. П.В. Злобин доложил на земском собрании о том, что сделано для открытия краевого университета и об участии в этом профессора М.В. Довнар-Запольского. Собрание увеличило испрашиваемую сумму до 60 000 руб., однако делегаты выразили опасение, что один университет не

⁴ Там же. Д. 1092. Л. 56.

⁵ Там же. Д. 1093. Л. 10.

⁶ Там же. Д. 1095. Л. 58.

⁷ Там же.

позволит подготовить все то огромное разнообразие кадров, которое было необходимо для восстановления разоренной Белоруссии. Острая нужда в кадрах для реального сектора экономики прозвучала и в выступлении В.П. Живана, который предлагал открыть высшее сельскохозяйственное учебное заведение. Эти опасения тут же развеял П.В. Злобин, заявив, что в ходе переговоров с профессором М.В. Довнар-Запольским был рассмотрен вопрос о создании в университете сельскохозяйственного и инженерного факультетов, хотя данное разъяснение вряд ли убедило делегатов в том, что таким образом удастся добиться желаемого результата. В заключение от Минской городской думы выступил Е.С. Хургин, который заверил, что «город без сомнения отдаст участок земли для нужд университета и сельскохозяйственного института»⁸.

18 мая 1918 г. был рассмотрен вопрос о продлении полномочий земской Управы, членам которой собрание выразило доверие в полном составе. Председатель Н.К. Ярошевич поблагодарил собрание от имени Управы и ввиду «исключительных тяжелых политических условий выразил готовность «не щадя сил» работать в прежнем составе на благо населения». Но эту позицию, по всей видимости, П.В. Злобин разделял не полностью, так как заявил об отказе от должности заместителя председателя.

На вечернем совещании 18 мая 1918 г. было заслушано ходатайство минского отделения Всероссийского союза инженеров об ассигновании 30 000 руб. на открытие в Минске политехникума. Несмотря на поступившие возражения, П.В. Злобин горячо отстаивал проект, указывая, что есть уже готовое оборудование – и станки, и лаборатория. Собрание постановило открыть в Минске политехникум, дав ему официальное название: «Среднее Политехническое училище Минского губернского земства и Минского городского самоуправления, открытое по инициативе Минского отделения Всероссийского союза инженеров»⁹.

19 мая 1918 г. П.В. Злобин прочитал собранию письмо М.В. Довнар-Запольского, содержавшее проект открытия в Минске краевого университета. После обсуждения делегаты постановили просить М.В. Довнар-Запольского разработать более подробный проект организации университета; образовать в Минске соответствующий комитет; начать сбор денег по уездам и городам губернии в фонд краевого университета. По завершении дискуссии делегаты предложили выразить М.В. Довнар-Запольскому признательность от имени земского собрания за его «живой отклик и готовность работать на благо населения Белорусского края путем открытия первого университета»¹⁰.

Минское земское собрание 20 мая 1918 г. приняло и важное политическое решение о необходимости созыва Всебелорусского учредительного съезда, ядром которого должны были стать земско-городские группы. Лидер минских эсеров Н.К. Ярошевич призвал отмежеваться от политики рады БНР и созвать «Учредительное собрание союзов земств и городов Белоруссии», которое должно было решить вопрос о судьбе края. Эсеры, меньшевики и бундовцы предложили раде объявить третью «уставную грамоту декларативным документом», а решение вопроса о государственных связях Белоруссии с Россией отложить до Всебелорусского учредительного собрания.

Минская земская управа 20 мая 1918 г. в связи с пополнением двумя новыми членами перераспределила обязанности. За П.В. Злобиным были

⁸ Там же. Д. 1093. Л. 25.

⁹ Там же. Л. 27.

¹⁰ Там же. Л. 31.

закреплены: ликвидация учреждений бывшего комитета Западного фронта Всероссийского земского союза (ВЗС) и передача их в подчинение земству, редактирование журнала «Наше земское дело» и заведывание совместно с С.Ф. Коваликом отделом управления народным образованием, книжными складами и другим. Управа 23 мая 1918 г. приняла решение командировать П.В. Злобина в Бобруйск и Могилев для передачи имущества бывшего ВЗС местным земским управам, осмотра книжных складов и обсуждение вопросов с польскими и немецкими властями. Пользуясь случаем П.В. Злобин попросил предоставить ему отпуск по семейным обстоятельствам, чтобы съездить в Москву. Тогда ему предложили от имени Минского земства выяснить в Москве «во время обсуждения с иностранными государствами положения края»¹¹.

24 мая 1918 г. П.В. Злобин уехал в отпуск на один месяц, но обратно, скорее всего, уже не вернулся. 12 октября 1918 г. служащие земства отправили ему письмо с просьбой объяснить «причины отсутствия»¹². Документы, хранящиеся в НИАБ, также не проливают свет на эти причины, возможно, его не устраивали темпы революционных событий или удаленность от семьи. В Москве П.В. Злобин активно включился в решение вопросов беженцев-белорусов, осевших на границе России и оккупированной части Белоруссии. Как он позже писал, советское правительство выделяло ему огромные средства для решения вопросов по устройству беженцев¹³.

В 1919 г. П.В. Злобин прошел обучение на втором курсе медицинского факультета, заведовал инструкторскими курсами при Народном университете им. А.Л. Шанявского, работал секретарем в редакции журнала «Высшая школа», издававшегося советом старост студентов университета, в 1919–1920 гг. редактировал журнал «Социалист-революционер».

31 марта 1919 г. Злобина арестовали в первый раз, но освободили после 10 апреля по ходатайству правления Всероссийского союза кооператоров по переработке и сбыту картофеля (Союзкартофель). Вскоре, 30 апреля и 22 июня 1919 г., он снова был арестован МЧК по обвинению в контрреволюционной деятельности, но освобожден без решения по делу под подписку о невыезде.

На основании противоречивой информации источников можно предположить, что П.В. Злобин все-таки нарушил данное обязательство, и на некоторое время появился в Минске. В газете «Трудова громада» («Трудовое сообщество») в феврале 1920 г. сообщалось, что «современное белорусское правительство находится в Минске и правительствует в “юбилейном доме”». Там находится Наивысшая Рада, которую избрала Национальная Рада. В состав Наивысшей Рады вошли представители всех партий¹⁴. От краевых социалистов-революционеров (сторонников России) назывались П.В. Злобин и Н.К. Ярошевич. Возможно, информация ошибочна, так как в это время Павел Владимирович работал в сельской секции Центросоюза и на водном транспорте. С 1921 г. П.В. Злобин – заместитель начальника отдела снабжения Наркомпрода и консультант кооперативного отдела народного комиссариата земледелия РСФСР.

«Белый» и «красный» террор обескровили Россию, ослабили ее изнутри и не позволяли уверенно чувствовать себя на международной арене. В то же время европейские страны, в условиях чрезвычайного ограничения поставок продовольствия и ресурсов из России, понимали, что выход из экономического и

¹¹ НИАБ. Ф. 325. Д. 1231. Л. 3.

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Судебный процесс над социалистами-революционерами, 788.

¹⁴ НАРБ. Ф. 325. Д. 19. Л. 298.

политического кризиса будет затруднителен для них даже в отдаленной перспективе. Все это создавало условия для возможного сближения Советской России с другими странами, что требовало стабилизации внутривнутриполитической ситуации, как первого признака окончательного установления советской власти. Попытка большевиков смягчить оппозицию проявилась в объявлении амнистии в 1919 г. всем, кто выступал против советской власти в 1918–1919 гг. Это позволило частично снять политическое напряжение. Но оставались и те, кто продолжил бороться за отмену диктатуры одной партии, и их большевики изгоняли из государственных учреждений.

В Белоруссии, как и в РСФСР, основная борьба за власть проходила между большевиками и эсерами. Общий враг в лице польских оккупантов и русских белогвардейцев сближал их, а вот желание занять лидирующую позицию в советской политической системе провоцировали взаимное недоверие, конфликты и противоречия. Эсеры демонстрировали, что они готовы идти на уступки. Так, 23 сентября 1920 г. центральный комитет БПСР исключил из партии «за неподчинение партийной дисциплине» премьер-министра БНР Вацлава Ластовского и руководителей заграничных эсеровских групп. Но, идя за настроениями крестьянских масс, которые, как отмечалось агитаторами советской власти, выступали против присылаемых комиссаров, требовали назначения на должности белорусов и создания белорусского государства, эсеры поддержали вспыхнувшее в ноябре 1920 г. антисоветское Слуцкое восстание. В итоге на III съезде КП(б)Б 22–25 ноября 1920 г. статус партии был определен не просто как правящей, а как руководящей силы общества, подчеркнув, что «ни один государственный акт не совершается без предварительной санкции КП(б)Б» [Гигин 2003, 87]. БПСР была охарактеризована как мелкобуржуазная партия, а ее членов отстранили от работы в местных советах даже низового уровня.

На открывшийся 13 декабря 1920 г. в Минске II Всебелорусский съезд Советов было избрано 185 коммунистов, 18 сочувствующих, 23 беспартийных, пять бундовцев и только один белорусский эсер. В феврале 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло решение об усилении борьбы с эсерами и меньшевиками. В то же время в Белоруссии сотрудничество между большевиками и эсерами продолжалось, и председатель ЦИК и СНК БССР А.Г. Червяков выступил в защиту многих известных ему эсеров: Н.К. Ярошевича, И.А. Мамонько, П.А. Бодуновой и др. Тем не менее, партии эсеров и меньшевиков в Белоруссии прекратили свою деятельность.

В 1921 г. была проведена сверка партийных билетов членов РКП (б), которая не носила характера чистки, тем не менее, те, кто не представил документы, считались выбывшими из партии. 2 августа 1921 г в Москве П.В. Злобин снова был арестован, но освобожден до «особого распоряжения»¹⁵.

Колебания большевиков относительно перехода к более жестким действиям проявлялись и в том, что солдатам, которые сотрудничали с белогвардейцами, 30 ноября 1921 г. была, в отличие от эсеров и меньшевиков, объявлена амнистия.

Начало января 1922 г. проходило в работе ЦК РКП(б) над преодолением внутренней политической оппозиции. На заседании Политбюро 5 января 1922 г. был заслушан доклад И.С. Уншлихта, по итогам которого постановили выделить два-три уездных города для высылки туда меньшевиков, но и не возражая против их выезда за границу, разрешив ВЧК выдать

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Д. 290. Л. 5.

«административно-высланным пособие в размере 650000 рублей»¹⁶. После рассмотрения работы комиссии И.С. Уншлихта 20 марта 1922 г. Политбюро постановило уволить меньшевиков и эсеров из профсоюзов, Наркомтруда, кооперативных и хозяйственных организаций, прервав, таким образом, их непосредственный контакт с массами трудящихся. Наиболее видным политическим оппонентам было предложено покинуть пределы страны.

В начале 1922 г. в Москве открылся судебный процесс над партией эсеров. На скамью подсудимых сели первая (самая опасная для советской власти) и вторая (в качестве свидетелей) группы активных членов партии социал-революционеров. В число первых 22 самых опасных людей для советской власти попал и П.В. Злобин. В показаниях руководителя террористической группы правых эсеров Л.В. Коноплевой сообщалось, что в сентябре 1919 г. она и В.М. Чернов останавливались ночевать в Москве в квартире Е.Р. Кохалкиной, второй жены П.В. Злобина, и обсуждали вопрос об убийстве В.И. Ленина.

Для создания нужного общественного резонанса общего хода судебного процесса против эсеров пропаганда использовала разные методы. Редакция газет поручалось подготовить специальные номера, посвященные «июльским дням 1917 г. и роли эсеров и меньшевиков в них»¹⁷. Для этого предлагалось ссылаться на материалы второй части книги П.Н. Милюкова «История русской революции» и показания эсеров и меньшевиков по делу большевиков (обвинения в германском шпионаже).

Однако к этому времени все наиболее яркие лидеры ПСР уже оказались за границей и на скамью подсудимых сели в основном те, кто уже долгое время сотрудничал с советской властью, работая в разных государственных структурах. При этом большинство из них прошли партийную чистку и уже не один раз побывали в ВЧК–ГПУ, в связи с чем их позиция была четко всем ясна. Стране был необходим мир и это понимали не только большевики, но и их противники. В выступлениях всех подсудимых звучала одна мысль: «требуется единение всего трудового народа». На этой позиции стоял и П.В. Злобин.

По всей видимости, долгое нахождение в тюрьме негативно отразилось на заключенных, и уже 18 мая 1922 г. П.В. Злобин подписал заявление о желании быть оправданным. Но, как он сообщил позже, уже на следующий день подал другое заявление о том, что не отказывается от политической деятельности. В выступлении 4 августа 1922 г. по этому вопросу П.В. Злобин ответил туманно: «Что я член партии социалистов-революционеров — это ясно. Обязательства на будущее не участвовать в партийной среде никогда не дам. А если я в течение ряда лет, как это знает ГПУ, в нелегальной работе участия не принимал, — то, что же делать. Это уж мои счеты с партией и пусть с меня ЦК спрашивает. Буду ли я, или нет принимать участие — об этом судите по прошлому»¹⁸.

На процессе 4 августа 1922 г. обвиняемый Злобин заявил, что вернулся в РСФСР «как делегат белорусского трудового народа и все, с кем я сносился, знали, что я член областного комитета зарубежной организации партии эсеров» и надеется на честный суд, который «в порядке третейского беспристрастного суда» разберется в тяжбе и прекратит «братоубийственное кровопролитие в рядах трудящихся России»¹⁹.

¹⁶ Там же. Д. 256. Л. 2.

¹⁷ Там же. Д. 301. Л. 2.

¹⁸ Судебный процесс над социалистами-революционерами, 787.

¹⁹ Там же, 788.

По итогам процесса 7 августа 1922 г. П.В. Злобин был приговорен к двум годам тюремного заключения со строгой изоляцией по окончании срока заключения. В тюрьме у него обострился туберкулез. В феврале 1923 г. его поместили в больницу ГПУ, а 25 мая 1923 г. выслали в Уфу на два года. В деле П.В. Злобина имеется и еще один малозаметный эпизод. В это же время в Бутырку попал и его сын Степан, который там также заболел туберкулезом. Отец взял его на поруки и они вместе уехали в Уфу. В справке начальника 3-го отделения Секретного отдела ОГПУ И. Ф. Решетова в декабре 1924 г. в опровержение заявления Гоца от имени всех осужденных по процессу ЦК ПСР, поданного в Президиум ВЦИК сообщается, что все ссыльные хорошо устроены, так «П.В. Злобин выслан в Уфу, работает, живет с семьей, материально не нуждается»²⁰. Точных данных о месте и дате его смерти не имеется, но в энциклопедических изданиях указывается 1930 г. и город Уфа. Реабилитирован 15 мая 2001 г. Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

В белорусских газетах по итогам громкого судебного процесса были размещены материалы о вынесении судом высшей меры наказания эсерам, но при этом подчеркивалось милосердие советской власти. В виду «заблуждений» подсудимых и отказа от «контрреволюционного прошлого» Верховный трибунал предлагал их полностью освободить от наказания. В следующем материале указывалось на то, что «приговор справедлив», а подсудимые оказались «запуганными буржуазией». Президиум ВЦИК постановил: «Если партия эсеров фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщицкую, террористическую военно-шпионскую и повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, они тем самым освободят от высшей меры наказания тех своих руководителей, которые на самом процессе оставили за собой право ее продолжать»²¹.

На волне произошедших событий в центре принятую тенденцию на повсеместную борьбу с контрреволюционными проявлениями эсеров восприняли и «ответственные» товарищи на местах. Так, в ответ на разосланное 28 сентября 1922 г. партийное письмо председателя ЦИК и СНК БССР А.Г. Червякова в октябре поступило письмо от председателя Бегомльского волисполкома. Ссылаясь на подрывную работу эсеров среди крестьян, направленную на срыв продовольственной кампании и перевыборов в Советы, он уверял в том, что все «истинные коммунисты выполняют государственный долг перед нашей дорогой Советской Республикой». Сложность работы в волостях объяснял низкой сознательностью и темнотой крестьян, а также разорением края польской оккупацией, который «восстановить крайне трудно вследствие бедности и отсутствия земледельческих машин и орудий». Особое волнение вызывало то, что «эсеры и другие подпольные лица» в качестве ходоков добивались в Минске у наркома земледелия БССР А. С. Славинского изменения заданий, чем и приводили к всевозможным брожениям со стороны населения. «Но я, стоя твердо и непоколебимо на платформе Советской власти, не останавливаясь ни перед какими заграднениями, буду вести борьбу против врагов Советской власти и не дам им покоя до гроба жизни. Кулаков и агитаторов, срывающих промкампанию, а также и другие Государственные работы, беспощадно подвергаю Суду выездной сессии Народного Суда. Таких лиц уже предано 14 чел., которые ищут себе выхода и в то время сеют смуту среди темных масс»²².

Таким образом, сложнейший период в становлении советской власти одним из важнейших стал вопрос подготовки национальных кадров управленцев,

²⁰ Там же, 559.

²¹ Приговор над эсерами, 2.

²² НАРБ. Ф. 6. Д. 13. Л. 200.

медиков, педагогов, инженеров и др. Общественные организации и политические партии как в России, так и в Белоруссии выдвинули на порядок дня вопрос организации системы высшего образования. Ключевой момент в этом процессе принадлежит I Всебелорусскому съезду, проведенному в декабре 1917 г. в Минске при поддержке РКП (б). Делегаты съезда поддержали идею создания Белорусской советской республики, поставив на порядок дня вопрос организации высших учебных заведений. Эти решения местные органы самоуправления в Белоруссии попытались реализовать на практике в 1918 г., активным участником которых и стал П.В. Злобин. За короткое время пребывания в Белоруссии бывший лидер московской партии социалистов-максималистов, являясь заместителем председателя Минской губернской земской управы, принял участие в разработке проекта национальной высшей школы как основы построения белорусской государственности. Выступив на суде над партией эсеров, Злобин как представитель белорусского народа, способствовал распространению общих тенденций по установлению мира, путем вытеснения политических оппонентов большевиков из государственных структур, и на территории Белоруссии. Немаловажным итогом этих событий стал и последовавшее в 1925 г. решение членов рады БНР, находившихся в Берлине о самороспуске и возможности сотрудничества с представителями советской власти. В СССР вернулись миллионы тех, кто так и не сумел устроить свою жизнь на Западе, в том числе и видные деятели белорусского национального движения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БНР – Белорусская народная республика
 БПСР – Белорусская партия социалистов-революционеров
 БССР – Белорусская советская социалистическая республика
 ВЗС – Всероссийский земский союз
 ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ГПУ – Государственное политическое управление
 КП (б) Б – Коммунистическая партия (большевик) Белоруссии
 МЧК – Московский чрезвычайный комитет
 ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
 НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь
 НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси
 ПСР – Партия социалистов-революционеров
 РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
 РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевик)
 РСФСР – Российская советская федеративная социалистическая республика
 СНК – Совет народных комиссаров
 ССРБ – Советская социалистическая республика Белоруссии
 ЦИК – Центральный исполнительный комитет

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

НАРБ. Ф. 6. ЦИК БССР. Оп. 1.
 НАРБ. Ф. 325. Рада народных министров БНР. Оп. 1.
 НИАБ. Ф. 24. Минская городская дума. Оп. 1.
 НИАБ. Ф. 325. Минская губернская земская управа. Оп. 1.
 Приговор над эсерами. 15 человек приговорены к высшей мере наказания / Белорусская деревня. № 45 от 12 августа 1922 г.
 РГАСПИ. Ф. 17. ЦК РКП (б), ВКП (б). Протоколы заседаний Политбюро. Оп. 3.
 Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги / сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин М., РОССПЭН, 2002. 1007 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гигин В. Ф. Формирование однопартийной системы в Беларуси (1917–1925 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Белорусский государственный университет, 2003. 114 с.
- Кохановский А.Г. На пути становления индустриального общества: модернизационные процессы в Беларуси (60-е гг. XIX – начало XX в.) // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Мінск: БДУ, 2006. С. 31–46.
- Кохановский А.Г., Яновский О.А. Становление и развитие исторической науки в Белорусском государственном университете (1920–50-е гг.) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021. № 3. С. 7–18.
- Кукса А.Н. Белорусский национальный комиссариат и проекты высшей школы в первые годы советской власти // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Том. 9. Вып. 3. С. 651–668.
- Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте Минск: Тесеј, 2004. 224 с.

Рукопись поступила в редакцию 10.07.2023

Рукопись принята к печати 19.10.2023

REFERENCES

- Gigin V.F. *Formirovanie odnopartijnoj sistemy v Belarusi (1917–1925 gg.)*. Diss. ... kand. ist. nauk, Minsk, 2003, 114 p. (In Russ.).
- Kohanovskij A.G. Na puti stanovleniya industrial'nogo obshchestva: modernizacionnye processy v Belarusi (60-e gg. XIX – nachalo XX v.). *Pracy gistorychnaga fakul'teta BDU*, Minsk, BDU Publ., 2006, pp. 31–46. (In Russ.).
- Kohanovskij A.G., Yanovskij O.A. Stanovlenie i razvitie istoricheskoy nauki v Belorusskom gosudarstvennom universitete (1920–50-e gg.). *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2021, no. 3, pp. 7–18. (In Russ.).
- Kuksa A.N. Belorusskii natsional'nyi komissariat i projekty vysshei shkoly v pervyje gody sovetsskoi vlasti. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia*, 2024, Tom. 9, no. 3, pp. 651–668. (In Russ.).
- Solskij V. *1917 god v Zapadnoj oblasti i na Zapadnom fronte* Minsk, Tesej Publ., 2004, 224 p. (In Russ.).

Received on 10.07.2023

Accepted on 19.10.2023

Информация об авторе:

Кукса Александр Николаевич
кандидат исторических наук, доцент
Белорусский национальный
технический университет
г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: 0000-0003-3385-3096
E-mail: akuksa@bntu.by

Information about the author:

Alexander N. Kuksa
PhD (History), Associate Professor
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus
ORCID: 0000-0003-3385-3096
E-mail: akuksa@bntu.by